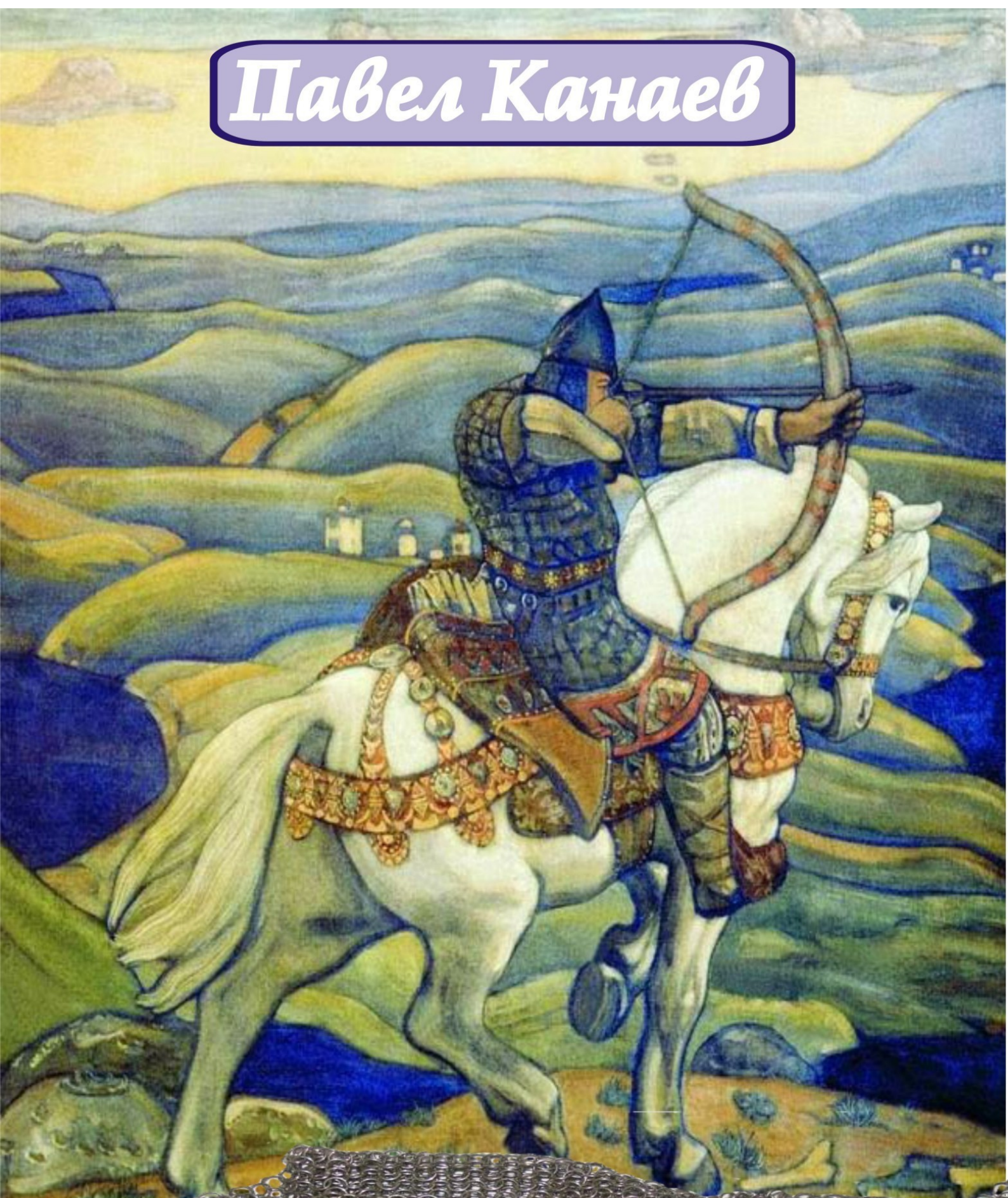

Павел Канаев

Волчьи стрелы

Павел Канаев

Волчьи стрелы. Часть первая

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Канаев П.

Волчьи стрелы. Часть первая / П. Канаев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Добро пожаловать в удивительный мир, наполненный реальными историческими чертами Древней Руси XIII - XIV веков! Великая Сеяжа, некогда единая и сильная, только начала возрождаться после двухвекового кровавого ига степняков кархарнов, завоевавших полмира и накинувших свой аркан на сотни народов. Но в один прекрасный день к искусному оружейнику и златокузнецу Фоке, мирно живущему со своей семьей в стольном граде Сеяжске, приходит странный гость и, щедро заплатив, просит выковать золотую брошь для его зазнобы. Сам того не подозревая, кузнец оказывается втянутым в подлый заговор, в котором переплелись, как ядовитые змеи, крамольные бояре, кочевники и, разумеется, алчущие власти князья.

Глава 1. Незнакомец

Промокнув лоб рукавом своей посконной рубахи, Фока взял клещи и вынул из пылающего горна поковку. Красный и полупрозрачный, словно обрывок вечерней зари, кусок металла протяжно стонал от жара. Кузнец аккуратно положил заготовку на наковальню и занес над ней свой молот. Но скрип двери и чей-то голос бесцеремонно оторвали его от работы.

– Ты Фока? – громко спросил незнакомец. – Можно, или не ко времени пришел?

Растекаясь по полу и прокопченным бревенчатым стенам, из дверного проема в кузницу хлынул свет солнца. В ярких лучах вычерчивался, будто угольком, четкий силуэт.

– Раз пришел, так заходи! – ответил кузнец.

Наконец незнакомец подошел ближе. Гиганту Фоке он был по подбородок, но все равно высок и широкоплеч, особенно для своего юного возраста. Его карие глаза под маховыми перьями бровей отражали мерцание горна, а темно-русые волосы ниспадали чуть выше плеч, небрежно пушась на лбу поверх серебряного обруча с яхонтом. Горбинка на переносице, явно полученная в драке, и небольшой шрам на щеке лишь оттеняли почти ангельские черты мальчишеского лица.

– Чем обязан, боярин? – спросил Фока.

Хотя аксамитами, золотом и камнями юнец вполне сошел бы за княжича. Бирюзовый шелк его роскошной, подпоясанной кушаком рытого бархата свитки¹ капризно морщился складками по бокам. На правом плече пылала золотая фибула в виде лука со стрелой на тетиве, что застегивала алый плащ корзно².

– Не боярин я. Называй меня просто, Владимир. Слыхал я про тебя много. Говорят, мастер ты на все руки, лучший во всем Сеяжске. Хоть меч, хоть топор, а хоть и драгоценность какую выковать можешь.

– Выковать могу. А мастер, или нет... Людям виднее, да только знавал мастеров и искуснее. Здесь, в Панцирной слободе много кудесников...

– Но пришел я к тебе, кузнец, – в голосе его промелькнула начальственная нотка. Однако он быстро одернул себя, снова мило улыбнулся и продолжил: – Мне тебя рекомендовали, Фока. Есть девица одна, глаз от нее не отвести. Щеки солнышка румянее, кожа – луны белее, брови – ночи чернее. Голос ее – точно ангелов пение. Медом уста ее смазаны, а в глазах бездонных – мироздания смысл... Понимаешь кузнец?

– Понимаю, влюбился ты, кажись, боярин, без оглядки, – ответил Фока, почесывая свой косматый затылок огромной пятерней, что, сожми ее в кулак, будет размером с булыжник.

– Да не боярин я, сказал же, Владимиром зови! Так вот, хочу ей брошь подарить – золотую да с жемчугом и самоцветами. Выкуешь?

Молодец вытащил откуда-то из-за пазухи желтоватый обрывок харатьи³, протянул его кузнецу. Фока взял клочок и, нахмутив брови, рассмотрел изображение.

– Искусно! Сам начертил? – спросил кузнец.

Владимир ничего не ответил – лишь сорвал со своего кушака набитую мошну, висевшую рядом с красными сафьяновыми ножнами.

– На вот! Если мало, еще заплачу.

Он кинул мошну кузнецу – тот ловко ее поймал, и увесистые серебряники звякнули в его руке задорнее бубенцов.

– Три дня хватит тебе? Сделаешь раньше, еще столько же дам.

– Постой, боярин! – поймав недовольный взгляд, он исправился: – Владимир... Эх ты скор! Я ведь со златом и серебром уж давно не работаю. Все оружие да доспех кую. Глянь!

Фока указал в сторону почерневшей бревенчатой стены, на которой распластались, точно шкуры трофейного стального зверя, несколько кольчуг. На незамысловатых дощатых столах лежали, переливаясь сиянием новизны, лезвия мечей, кинжалов, топоров, наконечники копий, грозные навершия шестоперов и булав. Кое-где валялись, как осенняя листва под ногами, стальные чешуйки для панцирей и набедренников.

– Да, знаю, Бог даст, потом и меч мне выкуешь славный. Но ведь это же ты для самой княжны Алены по поручению великого князя гривны и браслеты чудные ковал? Говорят, тем украшениям равных нет, а тебе ни один златокузнец неровня. Не скромничай, или обидеть меня хочешь?

От такого напора Фока не сразу нашелся, что ответить. Снова почесав затылок, он кинул мошну с монетами обратно Владимиру.

– Ладно, сделаю, только золотники мне для работы нужны, да побольше. А серебра раньше срока не надобно. Не за что платить пока что.

Возвращаясь с шумного Ладнорского торжища, Лебедь с удивлением обнаружила у своих ворот огненную тройку отборных жеребцов, запряженную в расписную колымагу⁴. Окованные бронзой ворота отворились, и со двора, сверкнув золотом и шелками, вышел гость Фоки. Он ловко запрыгнул в повозку, откинулся на обшитую синим сафьяном спинку, и челядин на облучке дернул поводья. Копыта златогривых красавцев гулко забарабанили по бревенчатым, гладко стесанным плахам мостовой. Весело зазвенели бубенцы, усыпавшие гроздьями серебряных ягод тонкие красные хомуты. Тройка с ветерком пронеслась мимо нее по широкой улице, туда, где над обширным посадом парил детинец, венчавший гряды из трех высоких холмов. Оберегая городской покой, они замерли в ратном построении плечом к плечу.

Красавица Лебедь встретила мужа на дворе возле крыльца избы: подпирая резной столб, он продолжал с интересом разглядывать клочок пергамента.

– Горлица моя ясноглазая, воротилась уже.

Она ласково обняла его за талию, прижалась покрытой зеленым платом головой к широкой груди мужа.

– Милый, все трудишься, как пчелка?

Лебедь провела ладонью по его влажной от пота посконной рубахе, подвязанной грубым пеньковым шнуром.

– Что это за знатный боярин к нам приходил? Никак дружинник ближний князя нашего? Больно тройка у него хороша, да и одеждами своими за версту сияет. Поди хочет, чтобы ты ему меч выковал?

– Да нет, говорит, не боярин он. Велел просто Владимиром звать. Хочет, чтобы я для его зазнобы брошь золотую выковал, вот, глянь, голубка...

Кузнец показал рисунок жене, и ее зеленые глаза загорелись.

– Красиво... Сильно, видать, любит ее. А мне такую выкуешь?

– Еще лучше тебе сделаю, солнышко мое ненаглядное, – сказал он и нежно поцеловал Лебедь.

Фока вернулся в темную жаркую кузницу, чтобы закончить работу, но мысли его путались. Жуткое любопытство, обычно совершенно ему несвойственное, почему-то терзало все новыми вопросами. «Кто же этот Владимир, если не боярин? Почему именно сюда пришел? Все, наверное, и забыли уже, что когда-то я был златокузнецом? Зеленый, как трава на лугу, а, кажись, уже кровь в битвах проливал».

– Вот стервец! Сказал же, раньше срока серебра не надобно! – воскликнул он, когда увидел прямо на своей наковальне ту самую распухшую от монет мошну. Под ней была зажата

какая-то записка, тщательно выведенная стройным уставом⁵, какому мог позавидовать даже летописец.

«Через три дня по полудню жду тебя в роще за Струпными воротами, с брошью. Поспеешь в срок и сделаешь ладно – еще серебра получишь. А не по нраву мне твоя работа будет, головы не сносить тебе... Шутка!».

– Экий шутник, дошутится когда-нибудь, – с ухмылкой сказал Фока.

Раскатом грома хриплый басистый крик огласил княжий двор, потонувший в зелени каштанов, яблонь и смородины. Казалось, даже кроны деревьев всколыхнулись, а пичужки умолкли и замерли на ветвях.

Бедный конюх великого князя стоял, потупив глаза в землю, и боялся пошевелиться. На недавней соколиной охоте княжич наследник Яромир превзошел в озорстве даже самого себя: едва не убился в чистом поле, каким-то чудом удержавшись на необузданном Буяне.

– Да я тебя в кипятке сварю, бездарь проклятый! Да на кой такие, как ты, вообще землю-матушку топчут? Из-под носа твоего мальчишка сопливый жеребца самого резвого умыкнул! Если бы шею дурень сломал – ты бы виновен был!

Как никогда, князь Невер походил на разъяренного быка: приземистый, тяжеловесный, с наклоненной вперед головой и налитыми кровью выпуклыми глазами. Его пушистые совы брови топорщились, а борода с легкой проседью трепетала, как трава под дуновением ветра.

– Княже! – вдруг раздался знакомый голос. По аллее цветущих каштанов стремительно приближался дворский воевода Дмитрий. На стальной черепице его полированного панциря, туго переплетенного красными ремнями, леденели солнечные блики. Из-под короткой пластинчатой брони Дмитрия струились зернистый подол кольчуги и край подроспешной рубахи, окаймленный ярким орнаментом.

– Государь, разговор есть!

По выражению лица воеводы Невер сразу понял, что это не для посторонних ушей. Он хмуро кивнул другу головой.

– С тобой, аспид, я еще разберусь! Пока судьбу твою не решил, но мало не покажется! – бросил князь напоследок конюху.

Небрежным жестом он позвал за собой Дмитрия, и они отправились по аллее в сторону дворца, сияющего, будто ларь резной кости. Между двумя белокаменными палатами в три яруса протянулись длинные сени, над которыми выросла бревенчатый теремной этаж. Раздвоенные окна улыбались расписной слюдой, а тесовые шатры⁶, венчавшие терем, вонзались в небо пестрыми наконечниками копий. Над резным дубовым крыльцом взгромоздилась толстобочкая кровля – бочка, похожая на нос перевернутой кверху килем лады.

Не дойдя до палат, они свернули к затаившейся в тени раскидистых дубов запруде. В этой части двора было тихо и укромно, ведь все хозяйственные постройки – кузни, мыльни, конюшни, медовуши – находились в другом конце.

– Ну, Дмитрий, чем порадуешь меня?

Князь уже немного пришел в себя; кровь отхлынула от головы, и глаза его снова стали синими, как небо.

– Княже, людишки мои верные из посадских нашептали, что по полудню Ладими́ра, княжича гривноградского, в Панцирной слободе видали и на Ладнорском торгу. Говорят, бахвалился он, что Гривноград теперь над Сеяжском главенствовать будет, а тебя, государь, ослом трусливым бранил.

– Как? Брешут, гады! Княжич с отцом вместе на рассвете отбыл, ты же сам их до ворот градских провожал! Кто эти людишки твои? Почто брешут и смуту сеют?

– Не думаю, княже, что брешут. Люди проверенные, да и стали бы они? Ведь знают, что вскройся обман, головы им не сносить.

Прищурившись, воевода наморщил удлинённый залысинами лоб. Лицо его поблескивало капельками пота.

– Государь, тут нечисто что-то, как пить дать. Мы с дружинниками выведали, что потом тройка его через Солнечные врата в сторону Златолесска укатила. Поехали по следу. В двух деревнях его еще видали, а после Ловья его и след простыл. Но соглядатаи божатся, что сам княжич это был.

– Ты что, думаешь, не уехали они, хотят предать наш союз?

Воевода присел на дерновую скамью, положил рядом с собой высокий конический шлем с кольчужной бармицей⁷.

– Бог его знает, государь. Кому же можно в наше время верить? Хотя, не похоже. Гривнограду союз этот как никогда нужен. Праденский рыцарь с запада опять попер, оправился от поражения у Ястребиного холма, раны зализал. Сам знаешь, княже, как Гривноград на помощь твою уповаёт.

– Да как же не помочь? Ведь они подсобили нам иго степняков поганых сбросить. Если бы не их подмога, до сих пор бы кархарну дань платили. Не верю, вчера только рукобитие заключили. Да моя Аленушка – лучшая партия княжичу гривноградскому!

– Твоя правда, государь. Кстати, кузнец Фока с Панцирной слободы ведь знаком тебе, княже?

– Отчего же не знаком? Искусный мастер. Таких по пальцам перечесть. Да и честен он, цену не задирает. За гривну золотую для княгини я ему еще сверху серебра дал, так ладно получилось. А причём тут Фока?

– Да говорят, к нему Ладимир, княжич, сегодня в Панцирную слободку наведывался. самого его заприметили, как со двора кузнеца выходил, да и тройка его у ворот стояла.

– Так чего же ты ворон считаешь? Надобно его под микитки взять, да в темницу приволочь. На дыбе соловушкой запоет!

Князь нервно провел ладонью по волнам своих каштановых волос, раздвоенных на массивном лбу.

– Государь, стоит ли? Коли он в чем худом замешан, надобно его постеречь, может статься, кузнец нас на остальных смутьянов и выведет.

– Ну смотри, дело это тебе лично поручаю. Не подведи!

– Хоть раз подвел? Кровь в сечах за тебя проливал, живота не жалел...

– Ну, будет, будет! Знаю все, на тебя лишь и уповаю!

Невер хлопнул воеводу по стальному наплечнику, пристегнутому к пластинкам панциря сырмятными ремешками, и отправился во дворец.

Диву давался каждый, кто видел, как колдует Фока над золотом или серебром. Так ловко его огромные загрубевшие руки управлялись с крошечными молоточками и резцами златокузнеца. Но еще чудеснее оказывался результат: изящество и тонкость работы никак не вязались с внушительным, почти лихим обликом мастера. Возможно, именно поэтому, где-то в глубине стесняясь своего таланта, он и решил посвятить себя грозному оружию и доспеху. Однако навыков не растерял – брошь вышла на славу и была достойна самой взыскательной госпожи, хоть вирейской императрицы.

Кузнец неспеша шел туда, куда наказал ему Владимир в оставленной записке. Людская улица шумела бурной рекой, а вместо набережных с обеих сторон вставали заостренные частоколы и дощатые заплоты. Кое-где над ними игриво выглядывали своими резными косящатыми окнами терема; в беспорядочном танце поднимались шатры, толстобочие бочки и раз-

номастные кровли богатых дубовых хором на подклетах⁸. По соседству едва заметно серели верхушки скромных изб, украшенные лишь фигурными коньками и незамысловатыми полотенцами⁹. Над острыми грядками крыш светились маяками купола многоглавых каменных соборов – шлемы, луковицы, полусферы.

То и дело Фока настороженно оглядывался – люди брели по своим делам. Пронзая толпу, повозки с товарами продолжали тянуться к торгу, раскинувшемуся на берегу могучего Ладнора. Ничего необычного. Но кузнеца не покидало странное, тревожное чувство преследования.

«Не ходи туда, Фокушка! Зачем ему тебя у черта на куличках ждать, в укромном местечке? Никак худое что-то замышляет», – он снова вспомнил предостережение своей жены, но все же не отступился.

– Здрав будь, кузнец! Принес? – раздался откуда-то сверху веселый голос, стоило только Фоке прийти в назначенное место. В небольшом ольховнике неподалеку от посадских ворот было тихо – окольные валы и стены приглушали городской шум.

– Принес, боярин, – ответил кузнец. За спиной он услышал шлепок и почувствовал порыв ветра, будто кто-то спрыгнул с дерева.

– Сказал же, не боярин я! Ну да ладно, показывай...

Фока развернулся. Перед ним стоял Владимир, но выглядел он совсем не так, как в прошлый раз. Вместо роскошных шелков на нем висела мешком серая суконная накидка, вотола, из которой торчали рукава и подол грубой бедняцкой сорочицы. На лбу уже не сияло серебро, а уныло чернел потрепанный ремешок.

– Ну, показывай, что сотворил!

Фока развязал кожаный кошель, достал оттуда золотую брошь и протянул ее Владимиру. На мозолистой громадной ладони кузнеца переплетались в танце, сливаясь воедино, две великолепные птицы – аист, раскинувший в стороны крылья, и длинношеяя степная дрофа с распущенным, словно у павлина, хвостом. Взяв украшение, юнец поднес его к лицу и стал пристально разглядывать каждую мелочь, каждое золотое перышко, хохолок, лапку. Все выглядело живым и объемным, казалось, подкинь брошь в воздух – птицы оживут и полетят.

– Если хочешь ее самоцветами изукрасить, могу алмазника посоветовать, в Ладнорском конце живет. Равных нет ему, – сказал кузнец.

– Не брешут про тебя, и впрямь кудесник ты, Фока! Ну, как и договорились, вот, бери остальное, заслужил.

Владимир потянулся к поясу, но вдруг замер и насторожился. Где-то совсем рядом тихонько треснула ветка, зашелестела листва.

– Ты кого с собой привел?

– Стоять, собаки!

Из густых кустов выскочили двое, одетые как простые посадские, но стать и косая сажень в плечах выдавали в них ратников. Один из них метнулся коршуном к Фоке, приставил к его горлу изогнутый кинжал с посеребренной рукояткой. Кузнец опешил, однако сразу узнал нападавшего: его рыжая курчавая борода и высокий валяный колпак с отворотами постоянно маячили в толпе, когда Фока оборачивался, почуяв что-то неладное.

Второй налетел на Владимира, замахиваясь легким боевым топориком, но встретил неожиданный отпор. С ловкостью рыси юноша пригнулся, нырнул под свистящим лезвием и ударил противника ногой под колено. Завершая контратаку, он засветил пошатнувшегося воину кулаком промеж глаз с такой силой, что тот рухнул без чувств. Юнец подпрыгнул, зацепился за ветку ольхи и вскарабкался наверх, казалось, опережая даже собственные мысли.

Оттолкнув кузнеца, рыжебородый ринулся за Владимиром, но беглец уже перепрыгнул на соседнее дерево. Послышались шелест и треск, после чего он растворился в ветвях и кронах, как призрак.

– Все равно тебя достану! Не жить тебе, крысёныш! – выругался преследователь, поняв, что упустил мальчишку.

Вернувшись после мимолетной и безрезультатной погони, ратник замер на месте. Фока медленно, но решительно шел на него со здоровенной корягой в руках. Без малого три аршина ростом, могучий и косматый, кузнец был точно бурый медведь, вставший на задние лапы.

– Охолонь! Мы князя сеяжского, Невера, дружинники. Худого тебе не сделаем. Не тебя, а крысёныша этого плаха дожидается. Но государь с тобой потолковать хочет. Не дури, я должен тебя к нему на двор отвести, – процедил он сквозь рыжую бороду, жадно глотая воздух.

Снизу, с улиц равнинного посада, высокий детинец напоминал княжью шапку. Подобно собольей опушке, тянулись темные дубовые стены-городни¹⁰; чуть выше замысловатым убором пестрили золото, медь, свинец и кровельный тес. Поднявшись по извилистому спуску и миновав одну из шести квадратных воротных башен, что щетинилась грубой известняковой кладкой, кузнец с дружинником направились напрямиком на двор к великому князю Неверу.

За весь долгий путь через огромный град Фока так и не решился спросить спутника, ни как его зовут, ни о странном заказчике злосчастной броши. Наконец, зачем пожелал его вдруг видеть сам государь? Рыжебородый ратник тоже был немногословен.

– Пшел отседова! – рявкнул он на нищего мальчугана, приставшего к ним у паперти Святой Варвары, и кинул к его босым грязным ногам пару медяков. Древний собор истово простер к небу свои девять глав – свинцовые, как тучи, полусферы на массивных световых барабанах. Не побеленный, он застыл серой горой, у подножья расползаясь полукруглыми алтарными выступами – апсидами, крытыми галереями, мощным притвором.

– Второй где? – процедил Невер, когда стража впустила в переднюю его покоев Фоку с дружинником. Поклонившись как можно ниже и чиркнув пальцами по ворсу богатого первенского ковра, воин виновато взглянул на князя. Кузнец так и замер в поклоне, не смея распрямиться.

– Ушел, княже! Точно белка, по деревьям упрыгал и как в воздухе растворился.

– Белка, говоришь?

Глаза князя начали стекленеть, а на воловьем лбу надулась вена.

– Сейчас ты у меня белкой поскачешь! И колесо для тебя есть, в пыточной тебя дожидается! А Протас где?

– Государь, сопляк хитер и быстр оказался. Его не так просто грубой силой взять. Протас прыти такой от него не ожидал... В общем, головой зашибся, мы его к лекарю по дороге отволокли, а то мало ли, очокурится...

– Да лучше бы ему самому очокуриться, и тебе вместе с ним! Два лба с мальчишкой совладать не смогли. Вам не мечи носить, а за прялкой сидеть! Я ноги вам отрежу и посажу вас в муравейник!

Подойдя к косящатому окошку, рябившему разноцветными ромбами слюды, несколько мгновений князь стоял неподвижно. Низкие полукруглые своды и оштукатуренные стены заволокла чудная роспись – завитки, цветы, листья, ветви, сказочные птицы Сирин и Алконост. По углам громоздились окованные медью и серебром сундуки. На разложенных аналоях, резных лавках, устланных рытым бархатом, пылились книги и фолианты – многие были открыты. Несмотря на взрывной нрав, нечеловеческую силу и воинскую доблесть, разум Невера еще с отрочества был заточен не хуже меча.

– Драгомир, сгинь с глаз моих долой! Позже с тобой потолкуем!

Дружинник удалился, и князь с Фокой остались одни.

– Ну, кузнец, что скажешь?

Подойдя почти вплотную к Фоке, Невер впился в него своим ледяным взглядом.

– Государь, скажи, каков грех на мне? Чем тебя прогневал? Живу по закону, честным ремеслом кусок хлеба добываю, подати плачу. Ей богу, в толк не возьму, что худого на мне.

– Отчего же сразу худого? – Невер ухмыльнулся. – Ведомо мне, что своим умением и честностью ты на весь Сеяжск славен, кузнец. Вот только умение свое негоже на смутьянов тратить.

– Да на каких смутьянов, княже? В чем вина моя?

– Кто тот юнец, что три дня назад к тебе зааживал? И сегодня с ним ты виделся, когда мои бездари вас накрыли. Говори кузнец, и не вздумай брехать. Я ведь пока по-хорошему спрашиваю, но могу и по-другому, Фока. Сам ведь щипцы и гвозди куешь, знаешь, поди, как ими можно языки развязывать.

– Так сам ни сном, ни духом, кто он таков, государь. Сам тогда его в первый раз и увидел. Сказал, кто-то ему меня рекомендовал. Назвался Владимиром. Сказал только, что не боярин он, и все.

Выслушав рассказ кузнеца и пристально рассмотрев рисунок броши, который очень кстати оказался у него с собой, князь сумрачно сдвинул пушистые брови и вздохнул.

– Похоже, кузнец, не брошь ты выковал, а постыдного предательства знак, – после небольшой паузы сказал он Фоке.

– И в чем же предательство мое, государь? Где же справедливость твоя, княже, что на весь свет славна?

Невер пропустил эту дерзость мимо ушей.

– Не твое предательство, кузнец. Выходит, и впрямь нет за тобой вины. Верю я тебе. Но если он снова к тебе явится, или ты прознаешь про него что, сразу ко мне идти, понял?

Глава 2. Пир

Казалось, кислый запах кумыса разлился на целые версты вокруг. От бесчисленных костров, тянувших свои змеинные языки даже выше юрт и курганов, вокруг было светлее, чем днем. Сотни грубых, словно вороний хрип, голосов сливались с лукавым свистом курая¹¹, барабанной дробью и лошадиным ржанием. На войлочных стеганых покрывалах, звериных шкурах и подкладных подушках, разложенных прямо на влажной траве, пировали степные воины и вельможи – батыри¹², найоны¹³. Вытирая сальные руки о полы шелковых, богато затканых золотом и серебром халатов, они поглощали жаренную и завяленную конину, засушенный творог, сласти, пили свой прокисший хмельной напиток и заморское вино.

Были здесь и те, кто еще полвека назад вел за собой смертоносные конные орды по славным княжествам Сеяжи, обращая города и деревни в пепелища, сея смерть и ужас и уводя тысячи людей в полон. И хотя безжалостное время давно лишило их былой силы, молодые смотрели с восхищением и страхом на этих почтенных старцев, укутанных в волчьи накидки.

Владимиру все еще было не по себе после прохождения между огнями. Пока двое кудесников, с головы до пят увешанных вороньими клювами, костями и медными подвесками, прыгали вокруг него, рычали и улюлюкали, ударяя в свои разукрашенные бубны, он чуть не растаял от жара горящих по обе стороны столбов. Когда он, наконец, очистился от злых духов и помыслов, крепкий таргаут¹⁴ проводил его на место почетного гостя – как раз напротив властелина вселенной, хана Тюхтяя.

Упав на колени и сделав земной поклон, Владимир обратился к хану:

– О пресветлый властелин! Каан Черной Орды и всего мира! Да продлит небо дни твои и твоего славного рода!

Дождавшись властного взмаха ханской руки, он встал и устроился на войлочном покрывале, закиданном подушками. Тем временем его дружинники все еще разоружались и прохо-

дили очистительный обряд. Здесь и там мерцали красным глаза огромных степных волков, прикованных цепями к толстым столбам. Задыхаясь в страшном хрипе и брызгая слюной, они скалили свои клыки-кинжалы, щетинились черной, как ночь, густой шерстью. Выше доброго скакуна в холке, эти безжалостные твари умели хорониться не хуже крохотных полевок в высокой смерть-траве, карауля свою несчастную жертву. Около каждого зверя на земле белели обглоданные кости, похожие на человеческие.

Отечное лицо Тюхтя расплылось в самодовольной улыбке, а раскосые глаза утонули в прищуре, стоило ему заметить смятение Владимира. Старый хан лишь потерял свою вислую жидкую бороду и продолжил смотреть за поединком двух бравых батырей, схлестнувшихся на опоясках. Когда после долгого препирательства один, наконец, поднял второго в воздух, будто вырвал с корнем из земли кряжистое дерево, и повалил на обе лопатки, хан хлопнул в ладоши и подал жест, чтобы все умолкли.

– Вижу, княжич, тебя напугали наши маленькие друзья, степные волки. Не пугайся, ведь теперь и ты наш друг, а друзей наших не смеет ни волк, ни мошка обидеть, – прохрипел он своим гортанным голосом.

– Великий каан, волкам не напугать барса!

Тюхтяй снова расплылся в масляной улыбке.

– Ты смел и дерзок, княжич гривноградский. Скоро мы поглядим, так ли ты хорош в бою, чтобы называть себя барсом. Ведь стать мужем моей драгоценной дочери, Жаргал хатунь, достоин столько самый доблестный батырь.

Хатунь расположилась рядом с отцом, на высокой подушке, у подножия его приземистого, наподобие топчана, трона. Бледная и круглолицая, в пестрых одеждах, она была совсем еще ребенком, но уже держалась как императрица. Ее точеную фигуру облепил цветастый халатик тонкого шелка с запахнутыми крест-накрест полами, отделанными бахромой. Поверх была наброшена пятнистая накидка из шкуры заморского зверя.

Про себя Владимир отметил, что хатунь и впрямь была так изящна и хороша собой, как о ней говорили. На ее халатике он сразу приметил свой подарок – золотую брошь, сделанную Фокой. Только теперь украшение стало еще прекраснее, засияв инкрустацией из красных яхонтов и изумрудов.

– Взгляни, Владимир, – продолжил хан, указывая пальцем в черное бархатное небо, богато усыпанное жемчужинами звезд. – Одно небо покрывает все страны, горы, степи и моря. Один месяц царит там ночью, и одно солнце – днем. Так и правитель должен быть на земле один – сильный и справедливый, являющий милость и правосудие. Лишь тогда воцарится мир на всей земле. Не находишь, друг?

Хан не дождался ответа и продолжил:

– Но признаешь ли ты меня единственным правителем? Ведь твои предки и даже отец твой воевали против нас. А дядя твой и вовсе сумел изгнать наши войска с Сеяжских земель. Возможно, тогда ему помог ваш бог, а может и дьявол. Но пришло время расплаты.

– Великий каан! Больше всего на свете я желаю смерти своему дяде – этому гнусному предателю, из-за которого мои отец и матушка умерли в изгнании. Гривноградский престол не принадлежит ему и его выродку по праву. Не сомневайся, я не предаю тебя. Ты – сильнейший властелин, под тобой весь мир от восточного Ко-Хуна до Праденских гор. Я не настолько глуп, чтобы выступить против тебя, каан.

– Честный ответ, княжич! Не каждый осмеливается говорить со мной так, как ты.

К тому времени спутники Владимира уже заняли свои места на пиршественной поляне. Хан вдруг вопрошающе взглянул на одного из них, тихо сидевшего между двумя бравыми дружинниками в многослойных кольчугах и островерхих шлемах. Тот утвердительно кивнул головой, потрянув высокой боярской шапкой.

– Значит, наши друзья в Гривнограде готовы выступить с нами на Сеяжск, когда потребуется? Но как же союз Невера и твоего дяди, князя Всеволода? Ведь, насколько нам известно, он так и не распался. Ты должен был рассорить князей, разъединить их. Но помолвка их детей в силе, торговые и военные грамоты не разорваны.

– Каан! Мы зародили сомнения в их сердцах. Да и сеяжский народ и добрая часть боярства воспротивились дружбе с Гривноградом, – ответил Владмимир. – Глашатаи на стогнах открыто бранят князя Невера за дружбу с врагом. Недавно дружинники жестоко разогнали вече, что собралось в Струпном конце. Недовольных все больше – так и до бунта недалеко. И когда мы ударим, бунт нам окажется как нельзя кстати.

– Что же, в твоих словах есть здравый смысл, княжич, – улыбаясь, протяжно сказал Тюхтяй. – Сколько воинов готовы кинуть в бой наши гривноградские друзья?

– Двадцать тысяч конников и пешцов, великий каан, – ответил Владимир.

– Пресветлый властелин, – продолжил он. – Для меня великая честь стать мужем вашей дочери, чья красота затмевает даже звезды и солнце. Если позволите, я бы хотел сделать ей еще один дар. Конечно, он недостоин столь удивительного создания...

Один из дружинников в глубоком поклоне приблизился к хатуни, встал на колени и протянул ей небольшой, украшенный жемчугом ларчик. Под открытой крышкой на синем бархате пылал золотой перстень, усыпанный самоцветами, – знак помолвки. Улыбка еле заметно скользнула по ее кукольным алым губкам, черные глаза игриво выстрелили в сторону Владимира. Она медленно и как бы нерешительно взяла подарок.

– Твои дары, как всегда, прекрасны княжич! – сказал хан с хитростью в голосе. – И нам есть чем на них ответить. Тебя, наверное, интересует приданное?

– Как можно, великий властелин? Ведь это такая честь...

– Оно уже дожидается тебя, дорогой зятек, – перебил его хан. – Скоро ты все получишь. А пока ешь, пей, отдыхай. Этот праздник в честь тебя и моей несравненной дочери.

Владимир старался пить поменьше хмельных напитков, но это было непросто, ведь сами сыновья Тюхтяя, царевичи Герреде и Белту, пригласили его к себе и поднимали кубок за кубком.

– Да будет ваш союз богат потомством, словно цветущие сады Шерварана богаты душистыми плодами! – провозгласил Герреде очередной тост.

Старший царевич не выглядел крепким воином: тело его казалось изнеженным, выпуклый живот виднелся даже сквозь свободный шелковый халат. Совсем иное впечатление производил Белту – стройный, точно ольховый ствол, стремительный в движениях и хмурый. Его лицо, расчерченное линиями скул и ниточками усов, обветрили степные ветра, а руки загрузбели от поводов, лука и рукояти сабли.

Владимир задумчиво взглянул вдаль, на посеребренное светом звезд и сплошь забрызганное кровавыми каплями маков полотно степи. Волнистая тесьма холмов окаймляла горизонт, отсекая равнину от небесного свода. По другую руку, за яркими шатрами и обозами лениво нес свои черные воды Буллях. Река была настолько широка, что противоположный берег ее и вовсе растворялся в ночной тьме. Всего в паре поприщ¹⁵ отсюда вверх по течению стоял гигантский Усоир – единственный оседлый город и сердце кочевой империи, что расползлась на полмира, как сорная трава.

Только сейчас Владимир осознал, как далеко его занесло от дома (точнее от того места, которое он лишь условно называл своим домом), и что обратной дороги нет. Ее занесли песчаные бури, размыли серые дожди, загородили кархарнские баскаки со своими отрядами, а дальше – сеяжские остроги, заставы и дремучие леса. Лишь жажда мести, желание забрать свое, принадлежащее по праву, точный расчет и бесстрашие могли вернуть его туда, где был его настоящий Дом. Вернуть как победитель, со щитом, а не на щите. От этой мысли Владимир даже немного протрезвел.

Внезапно на своем плече он ощутил тяжелое прикосновение: позвякивая рыбьей чешуей стального панциря, над ним навис рослый таргаут. Грубым жестом ханский страж велел юноше встать. Кровь резко ударила ему в голову, а сердце набатом забилося в горле. Кархарны притихли и с плотоядными улыбками смотрели на жениха – все это явно не предвещало ничего хорошего.

– Что же, мой друг! Ты хочешь руки Жаргал хатунь. Настало время доказать, что ты достоин этого не только своим происхождением, но и силой. Ведь разве пристало дочери властелина мира выходить за слабого мужа? – продекламировал Тюхтяй.

Таргаут толкнул его в спину и вытеснил в центр поляны, где не так давно боролись на опоясках. Вытащив откуда-то меч Владимира, который у него забрали перед обрядом очищения, стражник кинул оружие на землю.

– Брать! – резко сказал кархарн.

Юноша медленно наклонился, взялся за посеребренную рукоять с круглым навершием и поднял клинок. Лицо его сделалось белым, как праздничная начищенная скатерть.

– Великий каан! Я думал, мы договорились!

– Договорились? Я похож на купца, с которым можно торговаться? Я – властелин тридцати стран, сотен народов, хан ханов и хозяин царей! Я не договариваюсь, а повелеваю, мальчишка! Кто ты такой, чтобы с тобой договариваться, если даже императоры трепещут перед одной моей тенью? Ты – всего лишь вошь, изгой, потерявший свою вотчину. Чтобы Гривноград, как ты хочешь, поддержал тебя и выступил с нами на Сеяжск, ты должен быть силен духом и мечом. Иначе никакие сторонники, никакие бояре не спасут твою шкуру. Откуда мне знать, по силам ли тебе столь смелый замысел?

Отечное лицо хана покраснелось, а пухлые щеки затряслись от гнева. Он продолжил:

– Выстоишь в этой схватке, выйдешь победителем – отдам за тебя хатунь и сделаю князем в Гривнограде, а Сеяжск подчиню твоей власти, посадим туда наместника. А проиграешь, что же, плотью твоей волков не накормить, но хоть косточки обглодают.

Застигнутый врасплох, Владимир стоял в парадном одеянии, даже без самой худой кольчуги. Пурпурный аксамит его плаща корзно, подбитого черным бархатом, трепетал на степном ветру.

Словно по какому-то бесовскому заклинанию вмиг налетел ураган, погасив высоченные костры и огни на просмоленных столбах. Яства, дорогую посуду, подушки и покрывала разметало по поляне, но никто не обратил на это никакого внимания. Огромные хищные твари заскулили, как побитые щенки, и свернулись калачиками на своих привязях. Заунывные камлания кудесников подпевали порывам ветра и шелесту высокой травы. Взоры кочевников обратились в сторону реки, на ближнюю юрту, из которой донесся жуткий протяжный хрип. Войлочные полы входа резко распахнулись и взмыли вверх крыльями птицы. До боли в глазах Владимир всматривался во тьму открывшегося прохода, тщетно пытаясь разглядеть силуэт воина, что выйдет с ним сразиться.

– Чего ты ждешь? Если хочешь сразиться с врагом, сам иди к нему. Вперед, если не струсил! – прорычал Тюхтяй сквозь смех.

Жаргал Хатунь отвернулась и прикрыла глаза, будто вот-вот должно случиться что-то ужасное. Один из дружинников трижды перекрестился и плюнул через левое плечо.

Неожиданно юноша почувствовал, как по всему его телу разливается странное тепло. Все вокруг вдруг начало мутнеть и искажаться, а звуки – плавно сливаться в один, похожий на гулкий шум водопада. Он вытянул перед собой меч, принял боевую стойку и, пошатываясь из стороны в сторону, неуверенно двинулся к юрте.

– Не обольщайся, меч тебе не для схватки! – крикнул великий хан ему вдогонку.

В голове Владимира это прозвучало протяжно и с многократным эхом. Он уставился на хана, но уже был не в состоянии сформулировать вопрос.

– Чтобы избавить себя от страданий. Поверь, если проиграешь, возможность всадить себе в сердце этот меч покажется тебе благословением.

Тюхтяй расхохотался так громко, что, казалось, даже снега Праденских гор в сотнях поприщ отсюда задрожали. Из последних сил доковыляв до юрты, Владимир растворился во мраке.

Глава 3. Злая твердыня

На вершине пригорка степной царевич остановил своего доброго коня и огляделся. Разреза яркий ковер летнего разнотравья, вдали полированным булатом сверкнул Ладнор. На том берегу три сеяжских «богатыря» приютили у своих крутых склонов огромный посад. Окольный город¹⁶ расплылся темно-серым чернильным пятном, пестрившим золотыми точками куполов, белоснежными мазками церковных прясел¹⁷, бежевыми штрихами башен-веж. У многолюдного торжища вырос лес мачт и цветных парусов пришвартованных ладей, стругов и шнеков.

Округа драпировалась, совсем как зеленая тафта, складками холмов. Кое-где пушился махровый ворс рощиц, дубрав и перелесков, а низины были затканы узорами иван-чая, цико-рия и васильков, от которых воздух стал ароматнее медовой сыты. Хмурое предгрозовое небо лишь усиливало все это буйство красок.

«Жаль сжигать такой дивный град, – подумал Белту, – Авось образумятся глупцы, да не придется...».

Царевич искусно замаскировался под пуганда: без малого два столетия этот степной народ в изобилии служил у сеяжских и златолесских князей. На нем была тонкая короткая кольчуга, похожая на блестящую ткань, и свободные суконные порты, заправленные в сапоги юфтевой кожи с высокими голенищами и заостренными носками. Медные стремяна задорно позвякивали монистами. На его ремне, справа, из грубого кожаного налучья¹⁸ выглядывал изогнутый рог лука, слева – чернели перья туго уложенных в колчан стрел.

После целого месяца усыпляющего пути из Черных степей Усоира в Сеяжское княжество он хоть сейчас был готов в одиночку скакать к Солнечным вратам, штурмовать стольный град, – кровь кипела в жилах молодого воина. Он пришпорил атласные бока вороного жеребца и повернул направо, на глинистую дорогу, которая змеилась по склону холма. Вслед за ним скакали вереницей еще сотни две добрых конников. Одни походили на сеяжских дружинников – бородатые, вооруженные до зубов и закованные в тяжелую сталь, другие – на «невесомых» пугандских степняков.

– Мммм-мы на месте, ц-царевич! – проблеял Владимир, когда они подъехали к зарослям орешника на краю отвесного обрыва. Окруженный со всех сторон глубокими крутыми оврагами, на самой макушке каменистого холма виднелся Ладнорский острог. Его частокол выстроился, словно плотная шеренга ратников в островерхих шлемах. Это была та самая неприметная на первый взгляд крепостица, о которую когда-то сломали зубы войска молодого Тюхтяя.

– И это та самая Злая твердыня? – с ноткой презрения в голосе спросил царевич, раздвинув ветви и устремив свой взор на крепость. Владимир утвердительно кивнул головой, всего за одну ночь поседевшей, будто за целую жизнь. Да, он прошел страшное испытание в степном шатре, но заплатил за это своей молодостью. На осунувшемся лице шестнадцатилетнего юноши прорезались острые, как лезвия, скулы; карие глаза слегка запали в глазницах, а вокруг них побежали трещинки морщин. Он все еще был не по годам силен и ловок, но рука его немного утратила твердость из-за нервной дрожи, а взор ослабила постоянная тревога, мешавшая сфокусироваться на цели.

– Это не твердыня, а крестьянский двор. Мы возьмем острог хоть сейчас! – воскликнул царевич.

– Нннн-не поспешай так! – ответил Владимир. – Ммм-многие головы буйны сложили, штурмуя осттт-ро-рог... Взгляни внимательнее, ц-ц-царевич.

Он указал трясущимся пальцем вниз, на дно оврага, и как бы обвел его по периметру. Земля была покрыта высокой болотной травой и укутана какой-то странной зеленоватой пеленой. Кочки, камни, безжизненные почерневшие коряги – буквально все внизу трепетало и расплывалось, будто в палящем зное.

– Топь там неп-п-п-ролазная! Один неверный шаг – вмиг утянет, поми-ми-минай, как звали. Лишь дружинные т-т-тропинку ведают. Надобно за-затаиться, да проследить за ними. Т-т-тропу нам укажут, т-т-тогда ночью и нападём.

Белту задумчиво потер свою глянцевою лысую голову, с которой, на пугандский манер, на плечи падали две тощие блестящие косицы, умащенные конским жиром.

– Джайран, Гарадест! – подозвал он двух батырей.

Те тут же предстали перед ним на своих приземистых лошадях и поклонились.

– Останетесь здесь и будете наблюдать! – твердо сказал царевич. – А мы разобьем лагерь у подножья. Все поняли? Глядите зорче кречета, чтоб тропу узнали, каждый шаг врага сквозь топь запоминайте! Подведете, похлебку из вас для волков сварю!

К вечеру погода вконец испортилась. Косой вездесущий дождь шипел в кронах деревьев и траве, разбивался о землю и поднимался мутной взвесью, устилавшей все вокруг. Низины и овраги засверкали зеркалами луж и разливов, расшилились ниточками ручьев. Беспросветное серое небо придавило всю округу пудовым гранитным надгробием.

Но зоркий глаз степняка отыскал свою цель даже сквозь непроглядную хмарь. Кархарн наложил стрелу с орлиным оперением на тетиву, прицелился, крепко сжимая костяную накладку посреди изогнутой кибити¹⁹ лука, и выстрелил. Со зловещим свистом стрела молнией устремилась вперед. Дозорный, неспешно бродивший по высокой земляной насыпи между двумя рядами частокола, пошатнулся, перекувырнулся через заостренные концы бревен и мешком рухнул вниз.

– Ворог, ворог напал! Затворить все ворота! Воду да смолу кипятить, живо!

– Лучники, на стены! Воротные башни стеречь, живо!

Множась гулким эхом, крики крепостных сотников и десятников оглашали огромный овраг.

Снова послышался пронзительный свист, но на этот раз воздух рассекла уже не одна стрела. Засев в кустах по краям обрыва, почти пять десятков отборных кархарнских лучников принялись обстреливать острог. Все они были облачены в длинные куяки – стеганные войлочные куртки с множеством металлических пластин спереди и со спины – и высокие острые колпаки с волчьей опушкой.

Владимир взглянул в заволоченное пеленой небо и вознес про себя молитву. Свинцовые капли звонко барабанили по его шлему, хлестали наотмашь по щекам и били по глазам. Сколько ни уговаривал он пылкого царевича дожидаться старшего брата Герреде с его войском, Белту и слушать не желал.

– К чему нам брата дожидаться? Ни пороков²⁰, ни тур²¹, ни боевых повозок все равно сквозь болотины во век не протащить. Сами брать острог будем, и Небо нам в том сподвижник! – парировал он все доводы Владимира.

– Ну что, бравые мои батыри, на вас уповаю! Указывайте путь через топи! – сказал Белту Джайрану и Гарадесту, когда отряд штурмующих спустился вниз и засел в густых кустарниках у самой кромки болота.

Сверху не переставая свистели стрелы кархарнских лучников, но острожные дружинники на это никак не отвечали, голоса в крепости затихли.

Батыри бросились вперед рьяно и стремительно; брызги так и летели из-под их юфтовых сапог.

– С нами великое Небо! – прокричал Белту.

Встав в полный рост, с ободряющим криком он вскинул к небу свою саблю. Царевич успел сменить убогую пугандскую кольчугу на свой привычный доспех. Над шлемом с золотыми накладками трепетали черные перья, лоб прикрывал козырек, а лицо Белту рассекал опущенный наносник-стрелка. Стальная чешуя с золотой насечкой покрывала его с головы до пят, словно дракона. На плечах поверх пластинчатых прямоугольных наплечников красовались накладки в виде грозных человеческих лиц. К поясу был пристегнут золоченый шестопер – символ высшей власти.

– Вперед, разнесем этот жалкий погост!

Джайран и Гаррадест порхали с кочки на кочку, то и дело уходя по колено в трясину, но тут же из нее высвобождаясь. На их поясах дожидались своего часа осадные крючья.

Весь отряд двинулся следом. Десятка два сеяжских наемников, сверкая сталью тяжелых бехтерцев²², прикрывали себя и тех, кто за ними, наспех сбитыми из заостренных жердин огромными щитами – своеобразным переносным частоколом. Наконец защитники огрызнулись в ответ, точно пробудившись ото сна. Стрелы полетели из бойниц бревенчатой воротной башни и посыпались со стен. Между острыми зубцами могучего тына мельтешили шлемы, кольчуги и панцири. Не добежав самую малость до подножья холма, Джайран рухнул замертво, пронзенный смертоносным каленым жалом в шею. Его бездыханное тело тут же растворилось в мутной жиже, утянутое тяжелой броней.

– Гори в аду, мразь басурманская! – прокричал со стены убивший его стрелок, размахивая своим самострелом²³, но тут же сам пошатнулся и упал со стрелой в глазнице. Быстрый, как заяц, Гаррадест достиг крутого склона и принялся карабкаться по скользким камням.

– Куды полез, таракан? Раздавлю! – раздалось сверху. Как следует размахнувшись, исполинского телосложения молодец скинул вниз валун, который, казалось, был размером с него самого. Камень попал точно в цель, вдавив кусок стального шлема прямо в мозг степняка. Через мгновение и один из сеяжских наемников отправился к праотцам, сделав неверный шаг. С истошным ревом он бился и рвался на свободу, будто пойманная в сети рыба, но так и погрузился с головой в трясину – лишь булькнул напоследок парой зеленых пузырей.

Тем временем защитников на стене тоже заметно поубавилось: кархарнские лучники отлично знали свое дело. Подобно горстке муравьев с соломиной на спинах, полдюжины кочевников умудрились не только проташить наверх переносной таран, но и подобраться с ним прямо к воротам – дубовым, на мощных петлях. Держа с двух сторон толстое бревно, на конце которого скалилась бронзовая волчья морда, незваные гости принялись «стучаться в двери». Сверху, из щели между стеной башни и бревенчатым забором²⁴, на них хлынул тягучий водопад раскаленной смолы. Нечеловеческие вопли заглушили на мгновение шум стрел и все остальные крики.

В пылу Владимир и не заметил, как добрался до крепостного тына, да еще и без единой царапины. Опершись спиной, защищенной кольчугой и круглой зеркальной пластиной, на влажные смолистые бревна, он взглянул вниз. Тела убитых рассыпались между серыми глыбами; их кровь бежала ручейками по камням и растворялась в потоках дождевой воды. Штурмующие продолжали лезть по склону. Скошенные стрелами, арбалетными болтами, камнями из пращей, воины падали, дополняя собой эту страшную тропу мертвецов. Между тем многие уже достигли частокола: одни пытались взобраться на стены по осадным лестницам, другие – зацепиться за верхушки бревен стальными крючьями.

Перекрестившись трижды, Владимир поднял над головой большой миндалевидный щит, расписанный яркими орнаментами, и побежал вдоль тына по хребту крутого вала. Сверху летели камни, лились кипятки и смола, шмякались оземь сорвавшиеся воины. Княжич-изгнанник умело обращался с мечом и метко стрелял. Не раз ему приходилось с оружием в руках

защищать себя, свою матушку и сестру от лихих людей на лесных дорогах Иррозеи. Но посреди такого ада он очутился впервые.

Вскоре ему как-то удалось взобраться наверх по одной из лестниц. Там, на высокой земляной насыпи, шла упорная борьба. Владимир едва успел отразить страшный удар: изогнутым клевцом²⁵ булавы противник пробил его щит, зацепил, словно крюком, и вырвал из рук. Крепкий зрелый вояка в плоской мисюрке²⁶ с бармицей и толстой кольчуге самодовольно глядел на него, как охотник на угодившего в силки зверя. Недолго думая, Владимир атаковал врага мечом. Но тот умело отбилса древком булавы, молниеносно достал из сыромятного голенища сапога засопожный кинжал и всадил его по самую крестовину юнцу в бедро. Взыв от боли и выронив свой клинок, Владимир опустился на колено.

Неожиданно глаза его застлало что-то теплое и липкое, прямо перед собой он услышал шлепок, затем – шелест стальных колец. Утерев глаза от крови, он увидел, как вражеский воин распластался на земле, а вокруг его головы медленно растекалось темно-красное пятно.

– Хочешь, чтобы моя драгоценная сестрица так скоро стала вдовой? – с ухмылкой сказал Белту, вытирая саблю о суконную ткань своих шаровар. Носком сапога царевич подкинул Владимиру его меч, после чего снова вонзился в гущу сражения и засверкал, как молнией, своей изогнутой саблей. Однако ранение оказалось настолько тяжелым, что юноша едва сумел подняться. С трудом уложив накинувшегося на него с кистенем²⁷ молодца, он схватился за острые края частокола и повис на них, будто тряпица. Кровь упорно сочилась из его глубокой раны и стекала в сапог. Через мгновение на него налетел еще один острожный дружинник – каким-то чудом Владимир увернулся от лезвия его двуручного топора, но, споткнувшись, перекувырнулся через зубцы тына и полетел вниз.

Боль отпустила, а все вокруг словно растворилось в свинцовой дымке грозовых небес. Исчезли воины, шлемы и доспехи, пропали стены, башни и валы. Стальная броня его вдруг стала легче льняной сорочицы.

– Сынок, соколик мой ненаглядный! – родной и теплый голос раздался четко и ясно.

Владимир повернул голову: над ним заботливо склонилась его любимая матушка – княгиня Ярослава. На бледном лице немолодой, но все еще красивой женщины застыла ласковая улыбка. Мягкой рукой она гладила сына по щеке, едва слышно шелестя синим аксамитом своего роскошного летника²⁸ с агатовыми пуговицами. Над челом ее высился бархатный кокошник²⁹ с жемчужными отворотами, а свободные кисейные рукава в складках перехватывали золотые витые обручи – запястья.

– Матушка? Откуда ты здесь? – удивленно спросил он.

– Как откуда? Пришла тебя пробудить ото сна. Неужто позабыл, что ты сегодня княжий постриг принимаешь от Владыки нашего пресветлого? А ну поднимайся, а то Царство Небесное проспичь! Иди в крестовую палату, помолись на дорожку, чтобы сил и мужества набраться, отца не посрамить! Ты у меня – богатырь, надежда и опора, во всем белом свете князя лучше не сыскать.

Ярослава нежно прильнула алыми губами ко лбу сына.

Молитва перед святыми образами, приготовления, сенные девицы принесли богатый праздничный наряд. Постельничий Емельян, гордый оттого, что совсем скоро станет ближайшим гриднем³⁰ новоиспеченного князя, в поясном поклоне протянул ему меч, пожалованный отцом. Все происходило медленно и чинно; обширную, богато обставленную и устланную восточными коврами горницу заливал яркий свет из красных окон.

И вот княжич вышел на двор – прямо перед нижним рундуком крыльца его дождался роскошный возок³¹, украшенный росписью и позолотой. Три жеребца разной масти, все в серебряной сбруе и бубенцах, приветливо фыркали и шевелили острыми ушами.

– Ну что, сын, готов? – послышался твердый голос отца.

Ярополк подошел к возку в сопровождении своего стремянного. Обычно лицо князя оставалось невозмутимым, будто высеченным из камня, – он не слишком любил открыто демонстрировать свои эмоции перед сыном. Но в этот раз, к своему удивлению, Владимир заметил на отцовских устах едва уловимую улыбку радости, а во взгляде его читалась родительская теплота. На Ярополке красовались бархатная княжья шапка с беличьей оторочкой и жемчужным убором, парчовая, затканная золотом свитка в пол, из-под каймы которой украдкой выглядывали носки желтых сафьянных сапог. Корзно лучшего вирейского аксамита торжественно рдел на его левом плече и спине.

Вдали уже во все концы разливался шум торжества. Трезвонили колокола, гудел посадский люд, надрывались гусли, жалейки и сопели³². Гулял Господин Великий Гривноград, чествовал княжича Владимира и его постриг. И хотя уже почти два столетия не столько князь, сколько архиепископ да Совет господ правили бал в отложившемся от державного Сеяжска Гривноградском княжестве, народу подавай празднеств и веселья. Как тут пропустить такой повод!

Все даже на время позабыли о многочисленных напастях, чаще и чаще приходивших с Запада. Окреп Гривноград, осмелел, и стало ему тесно в своих лесах да болотах. Потеснил он гордых воинственных соседей – Праденский Орден с Иррозеей. Множество земель отвоевали гривноградцы, обложили данью и поставили там свои крепости, города и становища. А главное – завладели речными торговыми путями.

По задумчивой широкой Гобинке³³, бойкой Лиховодной, другим рекам и притокам сновали туда и обратно северные драккары и шнеки, сеяжские ладьи и струги, гигантские дромоны из далекой восточной империи. Рискуя сгинуть в пучине или пасть от рук кровожадных пиратов, купцы из заморских стран преодолевали полмира, чтобы достичь этих рек, а по ним добраться до шумных торжищ Гривнограда, в самом имени которого слышался задорный звон монет. Первенские шелка и ковры, специи и масла, иррозейские клинки, драгоценности, меха, всевозможная утварь, редкие фолианты: чего здесь только не было.

В последнее время не только торговые гости, но и закованные в броню праденские рыцари стали навещать в княжество на своих шнеках. Прикрываясь намерением объединить церкви – извечной ширмой для грабительских крестовых походов, они уже разорили немало пограничных деревень и монастырей. Пока что гривноградцы достойно держали удар, отстаивая свои территории и совершая ответные походы, но натиск ордена креп с каждым месяцем. Да и проклятые языческие ватаги, засевшие в непроходимых лесах, все чаще устраивали засады на торговые суда. Хитрые, как лисы, язычники умело пользовались родной местностью, знали каждый камень, каждый куст, где можно было затаиться. Но сейчас об этом не вспоминали ни князь, ни купцы, ни весь люд гривноградский.

Княжий поезд медленно тянулся по посадским улицам, вяз в пестрых народных толпах, будто в буйной траве дикого поля. Одни ломали шапки, отвешивали поясные поклоны и слали благословения, иные – неодобрительно глядели на всю эту роскошь и блеск.

– Расступись! Дорогу князю и княжичу! – взрывались дружинники с высоты своих боевых лошадей. Солнце прорастало огненными колосками на их кольчугах, панцирях и бехтерцах. От ярко-красных высоких копий и расписных щитов, что покоились у них за спинами, рябило в глазах.

Наконец над тесной толпой сверкнуло зеркало Гобинки, в котором застыл перевернутый детинец. На квадратных каменных башнях горели золоченые шатры, а белоснежные прясла³⁴

крепостных стен обрамляли резные кровли из теса. И над всем этим, как на церковной фреске, живописно теснились купола, терема, бочки и яркие крыши. Отовсюду виднелись шесть золотых шлемовидных глав Святой Варвары. Сложенные из плитняка и плинфы³⁵, ее стены с округлыми апсидами румянились на солнце – издалека собор походил на гигантский свадебный каравай.

К Алмазным вратам детинца вел добротный бревенчатый настил Буселова моста, по бокам которого на многочисленных столбах, поднимавшихся из воды, сидели, раскинув крылья в стороны, резные аисты – символ славного града. Вот только въезд на мост был перекрыт какими-то конными ратниками.

– Это еще что за чертовщина? Кто это так шутить изволил? Живо, скачи вперед, узнай, кто посмел, и гони взашей! Позже разберемся с наглецами! – приказал князь одному из сотников и поднялся в своем возке, вглядываясь вдаль.

Пробравшись сквозь толпу к неожиданной заставе, сотник Евсей узнал самих посадника и владычного воеводу. Остальные воины, все в полном доспехе и на конях в боевой сбруе, по видимому, тоже были из дружины светлейшего архиепископа.

– Достопочтенный князь велел узнать, кто посмел встать на пути у него и княжича? – спросил сотник громким, но неуверенным голосом. Евсей слегка опешил при виде высоких господ.

– Разве не видишь, дружинный, кто перед тобой? Кажись, не стар, а очи уже подводят. Может, на покой уже пора, помахал мечом и будет? – издевательски ответил посадник Гаврила Фомич, щуря свои и без того крошечные глазки.

Сотник не знал, что ответить. Ситуация накалялась.

Князь Ярополк потерял самообладание, выскочил из возка и, позабыв об осторожности, сам направился к мосту, расталкивая зевак.

– Как смеешь ты, собака, стоять на пути у князя? – заорал он на посадника, и лицо его побагровело.

– Не серчай так, государь надежа! Далеко ли путь держишь? – все с тем же сарказмом отвечал Гаврила Фомич. – Ах да, в дом премудрости Святой Варвары, княжичу постриг принимать пора. А зятка своего, короля иррозейского, позвал на чествование? Вы же с ним в последнее время не разлей вода!

– Что ты несешь, окаянный? По какому праву не даешь мне проехать? Иль ты думаешь, что раз ты посадник, так тебе закон не писан? Князь все равно тебя выше, даже в Гривнограде!

– Твоя правда, вот только выше всех – народ гривноградский. Вече честное – вот кто над всеми нами голова. А вече не только князь, но и Совет господ созвать вправе. И нынче самая пора! – сказал Гаврила Фомич с плотоядной улыбкой, обнажая свои редкие зубы.

Несмотря на то что на дворе стоял июль, на его плечи был накинута нараспашку желтый бобровый кожух; сытое брюхо посадника не мог скрыть даже мешковатый опашень.

– Что ты несешь? Какая такая пора? В княжий постриг Вече собирать! Неужто до завтра не терпит, по какому праву святой обычай хулишь, пес?

– Все понимаю, княже, ты уж не обессудь, надежа! Да дело дуже важное для всей земли Гривноградской и отлагательств не терпит, никак... Об измене дело, стало быть, – продолжал он после небольшой паузы, – о твоей измене, княже, Господину Гривнограду Великому! Да, да, все нам ведомо – про то, как в Иррозее, к тестюшке своему за подмогой наведывался, войска просил, чтобы боярские дружины извести. Как купцам иррозейским сулил мыты все с них снять. И, самое-то прекаверзное... язык бы не отсох у меня, такое вымолвить... Сулил веру их принять и весь люд гривноградский перекрестить, а кто не захочет – того мечу придать до огню!

Посадник нарочно говорил медленно и громко, чтобы его услышало как можно больше людей. Толпа тут же взволновалась, восклицания и шепот прокатились по ней, как первые барашки по морю перед сильным штормом.

Один из владычных дружинников выдвинулся вперед на своем пегом коне, развернул свиток хараты и начал почти нараспев читать указ пресветлого архиепископа Феодора и Совета господ о немедленном созыве Веча. В это время те же самые слова горланили глашатаи во всех девяти концах славного града, на каждой улице. Грянул вечевой колокол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.